

Информация об авторе

Плеханова Анна Максимовна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: plehanova.am@mail.ru.

Author

Plekhanova Anna Maksimovna — Doctor of History, Scientific Researcher of the Department of History, Ethnology and Sociology of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, e-mail: plehanova.am@mail.ru.

УДК 94(57)

ББК 63.3(2Рос)

А.В. ШАЛАК

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (1940–1950 гг.)

Исследуется социальное положение руководящих кадров в распределительной системе в 1940-е гг., источники накопления ими социальных благ и привилегий.

Ключевые слова: распределительная система, руководящие кадры, снабжение, социальные различия.

A. V. SHALAK

SOCIAL POSITION OF THE MANAGERIAL PERSONNEL IN EASTERN SIBERIA (1940–1950s)

The author researches positions of the managerial personnel under conditions of the distributive system in 1940s, their sources of social benefits and privilege accumulation.

Keywords: distributive system, managerial personnel, provision system, social differences.

Социальная и политическая стабильность общества определяется не только интеграцией людей на основе общей системы ценностей и цели (идеологическими факторами). Огромное значение имеет достижение социальной однородности, что отнюдь не сводится к социальному равенству. Характер труда, профессия, производительность труда, условия труда и множество других факторов влияют на социальную дифференциацию общества, как в целом, так и внутри отдельных социальных групп. Параметры дифференциации в исследуемый период задавались политическим руководством страны, однако множество побочных причин и явлений в пределах конкретных структур достаточно

весомо влияли на отклонение от официально провозглашенных целей и показателей. В данном случае речь не идет о единичных эпизодах, когда отдельные представители той или иной профессиональной группы в силу частных причин могли резко нарастить свой социальный статус и улучшить материальное положение в сравнении с остальными представителями группы. Например, военный штурман дальней авиации в 50-е гг. прошлого века на сибирском аэродроме Белая получал заработную плату 4 тыс. р. По тем временам это были очень большие деньги. Автомобиль «Москвич-401» стоил тогда 7600 р. [7, с. 452].

При анализе источников накопления социальных благ речь идет не о системных факторах и причинах социального расслоения, а внутрисистемных («теневых»), которые при глубоком анализе могут оказаться определенной системой, и весьма существенно корректировать заданную политическими и государственными решениями социальные различия как внутригрупповые, так и межгрупповые. Исследование этих факторов применительно к 40-м гг. прошлого века может быть основано только на изучении архивных данных, поскольку в открытой печати проблема не обсуждалась, в официальных документах сведения не публиковались. Однако эти факты становились предметом рассмотрения на заседаниях местных органов власти, выявлялись при сборе информации по какому-либо вопросу, находили отражение в документах, регулирующих распределение товаров и продуктов. Скрупулезное изучение таких данных позволяет выявить основные источники накопления социальных благ в годы войны и восстановительный период. Большинство из них были обусловлены особенностями мобилизационного развития, характером политического режима, порождены экстремальными условиями жизни. При этом особенность социальных различий заключается в том, что даже незначительное приобретение материальных благ вне официально установленных норм, приводило к тому, что они приобретали весьма зримый характер на фоне низкого уровня жизни всего населения. Даже совсем незначительное по современным меркам улучшение материального положения могло носить в тех условиях контрастный характер.

Социальная однородность советского общества была обусловлена несколькими факторами. Стратегический курс на построение бесклассового общества, определяемый господствующей идеологией, сопровождался и социальным нивелированием общества. С другой стороны, тотальная мобилизация ресурсов на индустриализацию с начала тридцатых годов, вела к их изъятию из потребительского сектора. Ресурсы, выделяемые на потребительский сектор, должны были обеспечивать минимальное воспроизводство рабочей силы и населения в целом. Денежное стимулирование, конечно имело место, при этом по отдельным секторам экономики или под конкретно решаемые задачи, оно было весомым, но полноценного материального обеспечения не находило

из-за острейшего дефицита товаров и продуктов. Следовательно, материальное стимулирование в большей степени могло носить моральный характер, а остающиеся ресурсы могли распределяться «по справедливости», то есть поровну. В противном случае, кто-то мог голодать, либо просто умирать голодной смертью. На это наслаивались и социокультурные факторы, в силу которых данная ситуация не воспринималась как катастрофа для основной массы советских граждан.

В этих условиях в наиболее благоприятном положении оказались различные группы номенклатурных работников. Их положение, как и различия, вытекали из места, занимаемого в системе властных отношений. Именно обладание властными полномочиями в силу особенностей мобилизационного развития открывало перед его отдельными представителями возможность приобретения материальных благ вне официально установленных норм.

Роль распределительной системы значительно возросла в предвоенные годы. В конце 1930-х гг. отмечается широкое распространение закрытых магазинов, столовых и буфетов для местных партийных, советских и прочих руководящих работников с превышением в них установленных норм продажи. Товары могли браться только из общих фондов, выделяемых Наркоматом торговли для снабжения населения данной местности. Однако даже перед войной закрытой торговлей был охвачен только самый верхний слой региональной номенклатуры.

В условиях перехода к нормированному распределению товаров и продуктов в начале войны реальный жизненный уровень регулировался не размером заработной платы, а нормой снабжения по карточкам. Эта вынужденная мера при острейшем дефиците товаров и продуктов объективно создавала благоприятные условия для манипулирования имеющимися товарами в рамках распределительной системы. При резком сокращении потребления продуктов питания и товаров место в распределительной системе резко повышали статус представителей властных структур. Официально статус руководящих работников в распределительных отношениях устанавливался постановлением СНК СССР от 12 июля 1943 г. Данный документ придавал законность существованию социальных различий как внутри самих руководящих кадров, так и между ними и другими слоями населения. Все руководящие кадры делились на три категории. К первой категории относились руководители краевых, областных, окружных и городских партийных, комсомольских, советских, профсоюзных организаций, первые секретари райкомов партии и председатели райисполкомов. Они обеспечивались карточками по группе рабочих особого списка, литерными обедами и сухими пайками. Ко второй группе были отнесены руководящие работники краевых, областных, окружных, городских партийных, комсомольских, советских, профсоюзных организаций, секретари сельских райкомов партии. К третьей категории

снабжения относились все остальные руководящие работники. В общей массе населения это были небольшие по численности группы. По Красноярскому краю к первой категории был отнесен 421 чел., ко второй — 770, к третьей — 806 чел. [6, Ф. 26. Оп. 4. Д. 54. Л. 214], то есть всего 1997 чел. В Иркутской области соответственно 413, 1162, 1561 чел. [5, Ф. 127. Оп. 14. Д. 275. Л. 23] или всего 3136. За годы войны количество руководящих работников в области, получающих литерное снабжение по первой и второй группе, увеличилось незначительно, с 1557 до 1998 чел. в 1946 г. [4, Ф. 17. Оп. 122. Д. 154. Л. 48].

Нормы снабжения по группам отличались весьма существенно. Руководящие работники, отнесенные к третьей группе снабжения, получали, в сравнении с первой группой, почти в три раза меньше мясных и рыбных продуктов, жиров, в два раза меньше круп и макарон, почти в четыре раза меньше сахара и кондитерских изделий. Такие продукты, как сухофрукты, молоко, чай, яйцо и некоторые другие, им не выделялись вообще. Практически на уровне официально установленных норм нормы снабжения руководящих работников, отнесенных к третьей группе, ничем не отличались от норм рабочих особого списка.

Таким образом, на уровне официальных норм для руководящих работников с учетом характера их труда и уровня ответственности нельзя утверждать о наличии радикальных социальных различий между представителями номенклатуры и основной массой населения. При этом данное решение центральных органов власти лишь закрепляли то официальное положение руководящих работников в системе распределения, которое к этому времени фактически сложилось. В соответствии с решениями советских, партийных, ведомственных органов власти снабжение работников соответствующих аппаратов обеспечивалось через сеть закрытых столовых. Приказом народного комиссара торговли СССР от 9 февраля 1943 г., данный порядок узаконивался и распространялся на 35–38 руководящих работников каждого района. На примере Читинской области видно, что к ним были отнесены секретари и заведующие отделами райкомов ВКП(б), председатели, заместители и секретари райисполкомов, заведующие отделами райисполкомов и приравненные к ним, секретари РК ВЛКСМ, редакторы районных газет, директор МТС и его заместитель, директор «Райзаготконторы», районный прокурор и народный судья, начальник отдела НКВД и милиции, управляющий отделением Госбанка, заведующий районной связью, директор райконторы «Заготживсырье» и управляющий райпромкомбинатом [2, Ф. 1645-п. Оп. 7. Ед.хр. 3. Л. 19].

Достаточно широкое распространение получили к этому времени и различные столовые закрытого типа, в которых питались и снабжались продуктами руководители различных ведомств. В объединенной столовой уполнаркомзага, заготовживсырье, облфо, облторготдела, госхлебинспекции Иркутской области в начале 1943 г. для руководителей было

организовано 2-разовое питание, а для восьми первых лиц отдельно готовились завтраки из трех-четырёх блюд и сухие пайки, отдельно готовились также усиленные обеды на дом, оптом отпускались продукты на вечеринки, новогодние подарки и т.д. [5, Ф. 159. Оп. 6. Д. 430. Л. 36].

Следовательно, уже с самого начала войны помимо официально установленных норм, получили распространение различные льготы для руководящих работников. Это и второе горячее питание, обеды для руководящих работников по постановлению СНК СССР от 17 сентября 1942 г., литерные обеды «А», «Б», «В» и сухие пайки руководящим работникам по постановлению СНК СССР от 27 февраля 1943 г., усиленное диетическое питание, карточки на ужин и т.д. На местах вопрос о прикреплении того или иного руководителя к литерному питанию решался персонально с вынесением соответствующего решения за подписью секретаря обкома партии.

Постановление СНК СССР в середине 1943 г., таким образом, только венчало определенный процесс, узаконивая и в то же время ставя под контроль снабжение номенклатурных работников. В дальнейшем добавлялись лишь новые нормы. Кроме централизованного снабжения были установлены дополнительные нормы питания с выдачей второго горячего питания, обедов руководящим работникам через специальные столовые и буфеты, установленные постановлением СНК СССР от 17 сентября 1942 г. С 1 февраля 1944 г. для руководящих партийных работников по статье «бытовое обслуживание» вводились бесплатные завтраки. По распоряжению СНК СССР от 27 февраля 1946 г. для них вводятся карточки дополнительного горячего питания (литер «Б»). Обеспеченность по предоставленным льготам была достаточно высокой для того времени, поскольку даже в голодном 1946 г. руководители ряда предприятий и организаций, имея избыток талонов на второе горячее питание (ВГП), расходовали их на проведение различных вечеринок [5, Ф. 159. Оп. 7а. Д. 153. Л. 7; Ф. 199. Оп. 3. Д. 136. Л. 26; Ф. 127. Оп. 14. Д. 272. Л. 156–157].

Таким же предпочтительным являлось снабжение промышленными товарами. В соответствии с постановлением СНК СССР от 12 июля 1943 г., для руководящих работников вводилось снабжение промышленными товарами по двум категориям, более ограниченное, чем снабжение продуктами питания. По Бурят-Монгольской АССР к первой группе снабжения было отнесено всего 44 чел. В Красноярском крае — 69 чел. [3, Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3941. Л. 40; 6, Ф. 26. Оп. 4. Д. 54. Л. 218].

Для обеих групп устанавливались порядок и лимиты снабжения промышленными товарами без карточек. Для руководителей первой группы в Красноярском крае на второе полугодие 1943 г. он определялся в размере 1 тыс. р., второй группы — 750. Через три года численность этой группы значительно расширилась. В 1946 г. лимитные книжки на промыш-

ленные товары уже имели 376 руководителей. Однако даже заведующие отделами городского комитета партии и горисполкома их не получали. По просьбе крайкома ВКП(б) союзное министерство торговли выделила еще 100 лимитных книжек [6, Ф. 26. Оп. 4. Д. 54. Л. 219; 4, Ф. 27. Оп. 122. Д. 154. Л. 48, 51, 53]. Таким образом, количество обладателей лимитных книжек на промышленные товары меньше чем за три года увеличилось почти в семь раз, тем не менее, данная практика распространялась лишь на самый высший слой региональной номенклатуры.

После отмены карточной системы снабжения официальный статус высших номенклатурных работников закреплялся выплатой соответствующего денежного довольствия. С 1 января 1948 г. постановлением СМ СССР и ЦК ВКП(б) руководящим советским и партийным работникам устанавливалась выдача дополнительно к получаемой ими заработной плате денежного довольствия в размере от двух до трех должностных окладов в месяц. По Иркутской области был составлен список, в который вошли только первые лица областных партийных, советских органов, Иркутска и округа, а также руководители областных управлений — всего 61 чел. При этом секретарям областного комитета партии и председателю облисполкома дополнительное денежное довольствие определено в три месячных оклада, а остальным — в два [5, Ф. 127. Оп. 14. Д. 572. Л. 260–262].

Таким образом, узаконенные нормы снабжения в рамках распределительной системы фиксировали и придавали официальный статус социальным различиям в советском обществе. Статус имел иерархический характер и определялся местом в системе управления, т.е. реальным объемом властных полномочий. При этом официально провозглашаемые нормы социальных различий не носили радикального характера, их можно признавать вполне разумными с учетом интенсивности труда и меры личной ответственности руководителей. Они имели отношение к незначительной прослойке населения, носили закрытый характер, то есть, хотя и были установлены, но официально не оглашались и, следовательно, для основной массы населения могли восприниматься как привилегии.

Однако огромное влияние и распространение в 1940-е гг. получило теневое перераспределение продуктов и товаров, т.е. вне установленных норм. Без анализа этого аспекта проблемы вряд ли удастся представить зримо статусные отличия в положении социальных групп. Жизненные шансы определенных групп руководителей зависели не только от нахождения на той или иной ступени вертикально выстроенной иерархической системы власти, но и от профессиональной близости к непосредственным каналам распределения или производству продуктов питания и товаров первой необходимости. А ближе к этому были категории работников, отнесенные к третьей группе. Поэтому невысокие

официальные нормы снабжения данной категории руководящих кадров в значительной степени компенсировались посредством теневого перераспределения продуктов и товаров.

Анализ архивных документов позволяет аргументировать тезис о том, что теневое изъятие продуктов и товаров и их перераспределение с целью личного присвоения играло большую роль, чем официальные льготы. В этом отношении в самом предпочтительном положении оказывались руководящие кадры торговли, общепита, работники различных организаций, занимающихся заготовками продуктов, руководители предприятий, имеющих подсобные хозяйства и те, кто имел отношение к остродефицитным товарам и влиял на их распределение (топливо, билеты на железнодорожный транспорт и пр.). Статус последних в силу этого существенно повысился. Формально они находились в среднем или низшем звене административных руководителей, но их фактическое влияние и возможности выходили за рамки официально обозначенной группы. О важности этой проблемы говорят многочисленные постановления партийных комитетов Восточной Сибири по вопросам хищений, растрат, разворовывания производимого продукта.

На основе изучения архивных документов можно сделать следующие выводы о каналах теневого перераспределения товаров и продуктов. Руководящие работники партийных и советских органов областного и городского звена свое материальное благополучие обеспечивали через фонды госбюджетных организаций (детские учреждения, больницы, школы и др.), а также за счет предприятий, как правило, угледобычи, золотодобычи, имеющих более богатые фонды. Например, в июне–августе 1943 г. для работников обкома партии закупили на 120 тыс. р. товаров, которые были предназначены для снабжения рабочих, занятых непосредственно на добыче золота в Бодайбинском районе [5, Ф. 29. Оп. 1. Д. 1287. Л. 42]. Весной 1946 г. для руководящих работников горкома и райкомов партии, а также исполкомов Иркутска за счет детских учреждений и больниц было сформировано 47 индивидуальных майских подарков из 13 наименований. Такие же подарки ими получались за счет детских учреждений в октябре 1945 г. и к Новому году [5, Ф. 127. Оп. 14. Д. 271. Л. 42-43; Оп. 51. Д. 10. Л. 67–69].

Судя по документам, руководящие работники областного уровня свободно и вполне безнаказанно могли распоряжаться государственными средствами. Только на одну «вечеринку» в феврале 1946 г., в которой принимали участие секретари обкома и горкома партии, начальники управления МГБ и МВД и другие руководители областных управлений Иркутской области (всего 35 чел.) было потрачено 14 тыс. р. из средств, отпущенных на выборы в Верховный Совет СССР. В итоге за период с мая 1945 г. по май 1946 г. на подобные гулянки только из средств обкома партии растрчено 81 тыс. р. [5, Оп. 51. Д. 10. Л. 66–67].

За счет государственных средств руководящие работники обставляли и ремонтировали квартиры, откармливали собственный скот, свиней в подсобных хозяйствах предприятий, в колхозах и совхозах. Широкую практику получило прикрепление советских, партийных работников, а также членов их семей к столовым, предназначенным для других слоев населения. Как правило, на руках у них были пропуска в несколько столовых одновременно.

Руководители хозяйственных предприятий, управлений в основном свое материальное благополучие обеспечивали за счет использования фондов предприятий. Здесь, как в миниатюре, повторялась ситуация, имеющаяся в партийно-государственных структурах власти. Первые лица имели наиболее высокие нормы снабжения и единолично распоряжались фондами предприятий. Далее оставшиеся фонды распределялись вниз по подразделениям, цехам, где ими распоряжались нижестоящие начальники. И те также решали, кому и что выделить из оставшегося. В результате при полностью выделенных фондах по установленным нормам питания, регулярно получаемым фондам на дополнительное питание, рабочие завода № 39 наркомата авиационной промышленности снабжались на 40–50% от установленных норм питания. Это значит, что дополнительные фонды вообще не доходили до них. В столовой же для дирекции и начальников цехов фиксировался регулярный перерасход продуктов питания. Различные виды дополнительного питания присваивались командным составом. Рыба, которую доставляли самолетом с маломорского рыбзавода, также оседала только в столовой дирекции и распределялась по запискам или без них. Такая же картина и в распределении товаров. Выделенные для рабочих товары на 50% распределялись среди командного состава. Причем командный состав завода даже не оплачивал излишки продуктов на своем столе. Карточки рабочим на обед выдавались сразу на весь месяц. Оплачивались они рабочими из расчета полной нормы всех продуктов. Разница стоимости не компенсировалась [5, ф. 127. Оп. 14. Д. 17. Л.1–24]. Такая же картина наблюдается и по другим предприятиям.

Одним из каналов теневого перераспределения продуктов для руководителей предприятий являлась продукция подсобных хозяйств. Только за первый квартал 1946 г. управляющий трестом «Кировуголь» получил от подсобного хозяйства сверх основного снабжения 50 кг мяса, 6 кг жиров, 18 кг меда, 9 кг сливок и другие продукты. Немногом меньше приобрели таким же образом его заместители, главный инженер, начальник ОРСа и некоторые другие руководители треста. За 1945 г. только работники аппарата «Востсибугля» получили сверх нормированных продуктов из подсобных хозяйств трестов «Кировуголь» и «Черемховуголь» 9024 кг мяса [5, ф. 127. Оп. 14. Д. 308. Л. 11–35, 52, 70–76].

Значительная часть товаров и продуктов уходила на сторону для того, чтобы иметь доступ к другим источникам влияния. В течение всех военных лет в Иркутске было практически невозможно купить в свободной продаже билеты на пассажирские поезда. Начальник пассажирской службы распределял их в своем кабинете. Броню получали такие организации, которые не имели на это никакого права: «Маслопром», «Главконсерв», «Главмука», «Рыбатрест», «Гортоп» и т.д. [5, Ф. 159. Оп. 7. Д. 178. Л. 12].

Одной из форм теневого перераспределения строго фондируемых продуктов и товаров стал их отпуск по различным запискам, без карточек. По совхозу «Железнодорожник» (Иркутская область) за 1942 г. по запискам вышестоящих руководителей было продано свыше 56 т картофеля и овощей, 1,5 т мяса, свыше 42 т молока и молочной продукции. В Иркутском универсаме с 1 апреля 1943 г. по 1 января 1944 г. продано по запискам, письменным распоряжениям различным лицам и учреждениям 1659 м шелка и хлопчатобумажных тканей, 191 пара различной обуви и др. На рынке г. Иркутска обнаружено до 200 записок на вино, спички, соль, керосин и другие товары, написанных только заведующим райторготделом Иркутского района и председателем райпотребсоюза за неполные полгода [5, Ф. 127. Оп. 1. Д. 785. Л. 25; Оп. 14. Д. 82. Л. 8]. В ряде районов Бурят-Монгольской АССР поступающие в сельпо и райпотребсоюзы товары сразу делились среди узкого круга лиц по списку, по запискам. В Наркомате пищевой промышленности республики в годы войны под руководством наркома и его первого заместителя было расхищено материальных ценностей на сотни тысяч рублей, а некоторые предприятия были превращены в подобие частных лавочек [3, Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3935. Л. 31; Д. 4324. Л. 22].

Широкое распространение получили факты самообеспечения руководящих работников различных уровней районного звена, проживающих в сельской местности. Для них основным каналом незаконного приобретения продуктов и товаров являлась продукция колхозов. По мере усиления административной системы эта прослойка руководителей быстро разрасталась. Согласно справке Иркутского областного управления ЦСУ, в среднем по каждому району на начало 1950 г. имелось 90 различных отделов, агентств уполномоченных и пр., в которых работало свыше 540 чел. [5, Ф. 127. Оп. 27. Д. 44. Л. 63].

Если мелкие руководители занимали продукты под запись в долг или частично расплачивались (конечно, не по рыночным ценам), то первые лица просто брали, требуя списать затем эти поборы за счет колхозов. В БМАССР задолженность колхозам за годы войны (только зарегистрированная) от частных лиц и организаций составила около 20 млн р. [3, Ф. 3. Оп. 1. Д. 1647. Л. 6]. Когда после войны началась кампания по выправлению нарушений Устава сельскохозяйственной артели, то по Читинской области только за три последних месяца 1946 г. возвратили кол-

хозникам 499 лошадей, 1247 голов крупного рогатого скота, 3925 овец, 31 автомобиль. По БМАССР за этот же период возвратили 558 лошадей, 3947 голов крупного рогатого скота, 1792 овец, три автомашины и другое имущество [4, Ф. 17. Оп. 88. Д. 806. Л. 27-28; Д. 725. Л. 11].

Судя по архивным материалам, на уровне районов могли быть самые различные источники приобретения материальных благ. Например, в 1944 г. было принято решение о строительстве национального театра в селе Агинское (Читинская область). Строительство оценили в 1233 тыс. р. До конца 1944 г. собрали с колхозов 274 072 р. Но колхозники работали на строительстве бесплатно, начиная с заготовки и вывозки леса. За работу им начислялись трудовые, оплачивать которые должны были за счет колхозов. А собранные с колхозов деньги руководители округа, включая первых лиц, получали по статье «расходы на командировку» [4, Ф. 17. Оп. 122. Д. 116. Л. 3].

Примерно так же вольно обращались с колхозными средствами повсеместно. Весной 1944 г. по распоряжению руководителей Боханского аймака на специальный счет в аймачное отделение Госбанка с текущих касс колхозов было перечислено 2778,7 тыс. р. «на закупку семян в колхозах Киренского района». Из этой суммы 1112 тыс. р. руководители района перечислили на оплату облигаций третьего государственного займа, 85,9 тыс. р. присвоили отдельные районные руководители, на остальную сумму якобы было закуплено зерно, но в колхозы района оно почему-то так и не поступило. Этот факт, как и множество других, стал достоянием разбора лишь в 1949 г. по инициативе Полномочного представителя Совета по делам колхозов при правительстве СССР в Иркутской области [1, Ф. Р-2816. Оп. 1. Ед.хр. 13. Л. 9].

Широкую практику получили вечера и банкеты за счет колхозов. Вот типичное требование тех лет, направленное в колхоз: «Предколхоза «16 партсъезда». Исполком Черемховского райсовета депутатов трудящихся предлагает вам для районного совещания забить 1 голову крупнорогатого скота (бычка-кастрата) весом не менее 1,5 ц. Мясо доставить в столовую партактива 4 января сего года не позднее 12 часов дня. Предрайсовета Яковлев» [5, Ф. 127. Оп. 14. Д. 396. Л. 238–239].

Что же касается самого низшего административного звена в районах — председателей колхозов, то у них так же имелись источники для улучшения своего материального положения. Прежде всего, это начисление себе трудовых за счет введения различных ставок, которые порой имели самое косвенное отношение к сельскохозяйственному производству, и за счет завышенных расценок. В Иркутской области с сентября до конца 1946 г. сократили по колхозам 1973 чел. административно-управленческого персонала, которым было начислено 454 356 трудовых. При этом и нормы оплаты по трудовым административно-управленческий персонал колхозов определял для себя со-

вершенно другие. Например, в колхозе «Улан-Цирик» (Усть-Ордынский бурят-монгольский национальный округ) такие начисления по итогам 1946 г. составили для приближенных председателя колхоза 20–50 р. и до 10 кг хлеба на один трудодень, тогда как для рядовых колхозников они составляли соответственно 10–25 к. и 10–25 г. хлеба [5, Ф. 127. Оп. 14. Д. 309. Л. 59; 1, Ф. Р-2816. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 3].

Однако в деревне скрыть факты прямого расхищения имеющихся продуктов было значительно труднее, чем в городах. Кроме того руководители хозяйства несли персональную ответственность за выполнение планов по сдаче продуктов государству. Поэтому председатели колхозов выступали в то же время в роли первых лиц для наказания. Были случаи, когда в колхозах в течение года менялось по 4–5 председателей.

Еще одним каналом возможного обогащения руководящих кадров являлся сбор вещей в фонд Красной Армии, для эвакуированных, детских домов и т.д. В районные комиссии поступали от населения вещи, наличные деньги, золотые вещи и пр. Документация во многих районах велась предельно плохо, и установить, сколько всего поступило и куда направлено, было невозможно. Аналогичные ситуации возникли с поступающими американскими подарками для семей фронтовиков и инвалидов. В Бурят-Монгольской АССР эти подарки разворовывали сами руководящие работники республиканского Наркомата социального обеспечения. В записке уполномоченного комиссии партийного контроля при Иркутском ОК ВКП(б) Фролова на имя заместителя председателя комиссии партийного контроля при Центральном Комитете партии М.Ф. Шкирятова говорится, что вокруг этих подарков и «трофейного имущества началась самая неприкрытая спекуляция и обогащение большой группы руководящих работников. Здесь торговали коврами, пианино, столовой и чайной посудой, легковыми автомашинами. Дело началось с того, что первому секретарю обкома ВКП(б) и председателю облисполкома были подарены заграничные легковые автомобили» [3, Ф.1-п. Оп. 1. Д. 4324. Л. 24].

Конечно, нет сомнений, что и в группе руководящих кадров имелись те, кто довольствовался только официально установленными нормами снабжения, не занимался поборами с колхозов или присвоением ордеров на товары, предназначенных для рядовых тружеников. Однако очень мало свидетельств, что они солидарно выступали против внутрисистемных привилегий и теневого перераспределения товаров и услуг. Все сводилось к отдельным кампаниям, которые инициировались центральными органами власти, и для острастки наказывались отдельные руководители низшего ранга. Среди них в основном были председатели колхозов.

В то же время нельзя не отметить определенное противостояние между партийно-советскими кадрами и руководящими кадрами промышленных предприятий. Причина этого в том, что нормы снабжения, установленные для руководящих работников постановлением СНК СССР

от 12 июля 1943 г. для партийно-советских работников, выделялись по линии Наркомата торговли, а для хозяйственных работников лимиты выделялись по линии ведомств, и часто они были значительно выше. Поэтому первые беспокоились, как бы в силу этого не произошло ущемление интересов партийного и советского аппаратов.

Руководящие кадры также обеспечивали жесткий контроль над нормированной системой распределения продовольствия и товаров, установленной для различных групп рядовых тружеников. По этим линиям социальное размежевание между руководящими кадрами и другими социальными группами населения отслеживается достаточно отчетливо. Если учителями в некоторых школах Иркутска к 7 ноября 1944 г. было продано по государственным ценам по одной или две стограммовых булочки без карточек, то по этому вопросу бюро ГК ВКП(б) вынесло решение, выдержанное в предельно жестком тоне. Обсуждение на этом же заседании информация о допущенном браке на хлебокомбинатах № 1 и № 2, в результате чего в негодность пришло соответственно 48 т и 87,3 т хлеба, значительную часть которого пришлось скормить свиньям, как свидетельствует стенограмма, проходило намного более спокойно. Или, например, когда в 1946 г. в соответствии с постановлением ЦК ВЛК-СМ вместо инструкторов ГК и РК ввели должности заведующих отделами, то мгновенно решился вопрос о принятии их на снабжение по всем видам по списку ответственных партийных и советских работников района и города. На просьбу же преподавателей и студентов медицинской школы и педагогического училища г. Черемхово выделить для них наряд на промышленные товары и мыло, которые они вообще не получали на протяжении 1946–1947 гг., была наложена резолюция: «Дополнительных фондов выделено быть не может» [5, Ф. 159. Оп. 6. Д. 395. Л. 25 об.; Ф. 127. Оп. 14. Д. 436. Л. 5].

Различие в социальных статусах руководящих кадров и рядовых тружеников проявляется и в мерах наказания за действия, несовместимые с законом. В 1940-е гг. за кражу личного и, тем более, государственного и общественного имущества предусматривались очень жесткие меры наказания. Изучение документов фондов прокуратуры Восточно-Сибирской железной дороги, прокуратуры Восточно-Сибирского водного бассейна и некоторых областных прокуратур свидетельствует, что по отношению к простым гражданам меры наказания применялись чаще всего по верхнему пределу. Например, матросы баржи № 2 Восточно-Сибирского управления речного пароходства в августе 1950 г. похитили из груза 37 банок тушенки. В итоге один матрос был лишен свободы на 15 лет, а два получили по десять лет исправительно-трудовых лагерей. Или, например, гражданин Ульянов, работающий в этом же пароходстве, похитил со склада эмблемы для головных уборов и передал своей знакомой Зуевой, работающей продавцом, для продажи. В ре-

зультате Ульянов приговаривается к 20 годам ИТЛ, а Зуева — к десяти [1, Ф. 2790. Оп. 4. Ед.хр. 46. Л. 1; Ед.хр. 47. Л. 48]. Руководящие работники, как уже отмечалось, за гораздо более серьезные преступления в худшем случае получали выговор по партийной линии.

Таким образом, разнообразные архивные данные позволяют выявить отличие социального статуса «командных кадров», различные каналы приобретения ими социальных благ вне официально установленных норм и правил, а также неравенство в правах. В то же время следует отметить, что эти отличия имеют отношение только к продовольственному и отчасти промтоварному снабжению. Практически нет никаких фактов, что подобная практика распространялась на жилищное распределение, лечебное обеспечение и пр. Поскольку злоупотребления со стороны руководящих кадров становились предметом рассмотрения органов власти, пусть и в «закрытом» режиме, нет оснований утверждать, что власть их абсолютно игнорировала. Все доступные факты по этой проблеме могут быть найдены только в решениях органов власти, прежде всего, стенограммах заседаний партийных комитетов. Остается открытым вопрос и об удельном весе руководящих кадров, охваченных системой теневого перераспределения товаров и продуктов. На том уровне объемов наличных ресурсов вряд ли было возможным массовое одностороннее злоупотребление в сфере распределения продуктов и товаров. В противном случае не оставалось бы ресурсов для воспроизводства рабочей силы. Нельзя при этом забывать, что руководители несли персональную ответственность за выполнение планов и заданий и, даже при наличии злоупотреблений с их стороны, речь не шла о «коммерческом интересе». Поэтому не случайно в принятых решениях вопросы социального обеспечения касались лишь очень узкой прослойки руководящих кадров в регионах. При всех негативных последствиях, порожденных распределительной практикой, различия в социальных статусах в 1940-е гг. имели отношение к системе физиологического выживания, которая распространялась и на многочисленных руководящих кадров низшего уровня. А потому эти различия, имевшие более отчетливый характер на уровне немногочисленной прослойки высших партийных, советских и хозяйственных руководителей, не могли стать основой для массовых протестных настроений в регионе.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Иркутской области.
2. Государственный архив Забайкальского края.
3. Национальный архив Республики Бурятия.
4. Российский государственный архив социально-политической истории.
5. Центр документов новейшей истории Иркутской области.
6. Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края.

7. Хайрюзов В. Стратегическая авиация России (Элвис Пресли) / В. Хайрюзов. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2012.

Информация об авторе

Шалак Александр Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Shalak-av@isea.ru.

Author

Shalak Alexander Vasilevich — Doctor of History, Professor, Chairholder, Chair of History, Economic and Political Sciences, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: Shalak-av@isea.ru.

УДК 94(571.54)

В.П. ШАХЕРОВ

ББК 63.3(23Р5)

ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКИХ БЮДЖЕТОВ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Статья посвящена вопросам формирования бюджетной политики городов Восточной Сибири. Предметом исследования являются основные виды городских налогов, их эволюция во времени, соотношение доходной и расходной части.

Ключевые слова: Байкальская Сибирь, города, бюджет, налоги, городская недвижимость, недоимки, городское самоуправление.

V.P. SHAKHEROV

FORMING OF THE TOWNS' BUDGETS IN BAIKAL SIBERIA IN THE LATE XVIII – THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES

The article is devoted to the problems of forming the budget policy of the towns in Baikal Siberia. The subject of the research work is the main kinds of the towns' taxes, theirs evolution during the definite period of time, the correlation of revenue and expenditure.

Keywords: Baikal Siberia, towns, budget, taxes, town property, arrears, local government.

Становление городского самоуправления в России в XVIII в. было невозможно без финансового обеспечения его деятельности, которая отчасти удовлетворялась доходами с городских имуществ, но главным образом либо личными повинностями горожан, либо различными не-